

Сельское расселение на Урале в годы войны (1941–1945)

Л. Н. Мазур

Уральский государственный университет

Великая Отечественная война – одна из наиболее трагичных страниц отечественной истории, ее роль сложно переоценить. Победа досталась великой ценой – это миллионы погибших, тысячи сожженных городов и деревень. Катастрофичность последствий войны эхом отозвалась в последующих поколениях. В этом смысле справедливо замечание А. Чемберлена: «В войне не бывает выигравших – только проигравшие». Война привела не только к демографической катастрофе, но и отбросила общество на много лет назад по показателям уровня жизни. Одним из последствий военных действий стало изменение пространственной организации общества – системы расселения. Разрушение тысяч населенных пунктов – сел, деревень, городов – и необходимость их восстановления – это только одно из направлений послевоенного развития страны. Войны всегда играли деструктивную роль, причем разрушения касались не только территорий, где разворачивались военные действия, но и тыловых районов. На линии фронта все – и люди и материальные объекты – подвергалось физическому уничтожению. Здесь оставались «безжизненные» пространства, которые с большим трудом удавалось возродить. В тыловых регионах, таких как Урал, Сибирь, прямых разрушений не было, но и здесь война оставила заметный след. В условиях мобилизации всех сил на борьбу с врагом происходила коренная ломка существующих системных связей, в целом имеющая также деструктивный характер.

Какие последствия имела война для Урала, ставшего одним из крупнейших промышленных регионов страны, кузницей победы? Ее разрушающее влияние проявилось в ряде моментов – это сокращение численности населения и деформация демографической структуры общества за счет мобилизации и гибели мужчин трудоспособного возраста; реструктуризация народного хозяйства в сторону развития оборонных отраслей и сокращение произ-

водства средств потребления; снижение уровня жизни населения. В рамках данной работы попытаемся выделить и проследить лишь один из аспектов этой многогранной проблемы – поселенческий.

Военные действия непосредственно влияют на систему расселения, создавая «стрессовые», аномальные ситуации. В первую очередь они были связаны с полным или частичным уничтожением населенных пунктов на значительных территориях, оказавшихся в зоне боевых действий. В оккупированных районах за годы войны было уничтожено и разграблено 98 тыс. колхозов, 2890 МТС и 1876 совхозов. Фактически перестали существовать десятки тысяч поселений, в том числе 1710 населенных пунктов городского типа. По приближенным данным, в РСФСР было сожжено и разрушено более 70 тыс. сел, уничтожено 3,5 млн жилых домов из 12 млн. Особенно пострадали районы, где шли бои – Курская, Сталинградская, Ростовская, Смоленская и другие области¹. На Смоленщине, например, было сожжено 130 тыс. домов, Брянщине – 106 тыс., в отдельных районах Курской и Орловской областей оставалось не более 5 % построек. В Воронежской области были стерты с лица земли десятки придонских деревень. В одном только Землянском районе – 25 сел².

На Украине в результате оккупации было уничтожено 734,7 тыс. жилых домов, в Белоруссии – 420,8 тыс. (около 30 % жилого фонда). Здесь было разрушено более 2 тыс. сел и деревень. Без крова остались 371 тыс. семей, вынужденных ютиться в землянках и сараях³. Причем приведенные цифры можно рассматривать как неполные. Потери были на самом деле еще более значительными. Вследствие плохо поставленного учета в 1940–1950-е гг. ни административные, ни статистические органы не имели точных сведений о поселенческой сети, прежде всего о сельском расселении. Недостатки учета стали очевидными к моменту проведения первой послевоенной переписи населения 1959 г. Полученные в ходе нее данные о размерах сельской поселенческой сети резко расходились с результатами административного учета, и это в первую очередь касалось территорий, по которым прокатились военные действия. К примеру, в Псковской области в Кульинском районе в списках значилось 570 населенных пунктов, а по данным статистического учета – 446. Недостающие 124 поселения прекратили свое суще-

ствование еще в годы Великой Отечественной войны и не были восстановлены. Аналогичная ситуация была характерна и для других областей. Отсутствие налаженной системы учета поселенческой сети не позволяло абсолютно точно определить количество разрушенных деревень⁴.

Значительные изменения в структуре поселенческой сети произошли не только в прифронтовых, но и тыловых районах, где происходила ее перестройка и реструктуризация в соответствии с военными нуждами. Она в первую очередь затронула городские поселения, их численность и размеры начинают в годы войны интенсивно расти, ломая естественный ход эволюции. Ускорение процессов урбанизации, на первый взгляд, имеет положительное значение. Однако «преждевременный» рост городов неизбежно вел к отставанию их инфраструктуры и уровня благоустройства, обострению жилищной ситуации. Эти проблемы городского развития сохранились вплоть до настоящего времени, позволяя ряду исследователей оценивать опыт эволюции советских городов как «псевдоурбанизацию».

Меньшему влиянию в тыловых районах подверглась сельская поселенческая сеть, ее размер в годы войны в ряде регионов имеет даже тенденцию к росту, прежде всего за счет появления новых промышленных, лесохозяйственных и транспортных поселений. Одновременно усиливаются процессы концентрации расселения – сосредоточения населения в крупных населенных пунктах, выполняющих роль центров для прилегающей округи. С другой стороны, в годы войны начинается обезлюдение деревни в результате мобилизации и роста миграции населения, в первую очередь эти процессы касаются небольших населенных пунктов. Они выступают оборотной стороной урбанизации и оказывают в целом негативное влияние на сельскую местность. Структурная перестройка поселенческой сети дополняется в годы войны разрушением ее социальной сферы: снижается уровень благоустройства и обеспеченности сельских жителей культурно-бытовыми учреждениями.

Развитие системы расселения определяется, прежде всего, динамикой ее демографического потенциала. Движение населения на Урале в военный период складывалось из трех взаимосвязанных процессов: естественного прироста, который неизбежно снижается в результате падения рождаемости и роста смертности; военной

мобилизации и эвакуации населения из оккупированных районов. Как результат этого разновекторного влияния формируется нелинейная динамика численности населения Урала (табл. 1).

Таблица 1

*Динамика численности сельского населения Урала в годы Великой Отечественной войны, тыс. человек (на 1 января текущего года)**

Область, республика	Категория населения	1939	1941	1942	1943	1944	1945
Башкирская АССР	Всего	3158,5	3236,3	3263,9	3153,2	3100,4	2863,0
	сельское	2618,2	2631,9	2526,8	2380,0	2317,7	2151,0
Курганская	Всего	—	—	—	1113,2	1110,5	908,0
	сельское				956,2	948,8	706,0
Оренбургская	Всего	1672,0	1722,1	2011,0	1810,0	1756,0	1555,0
	сельское	1292,1	1226,4	1379,0	1160,0	1119,0	996,0
Пермская	Всего	2086,0	2183,7	2251,0	2274,2	2227,2	2173,0
	сельское	1258,4	1252,5	1178,5	1193,3	1103,9	1079,0
Свердловская	Всего	2610,3	2596,5	3170,6	3127,1	3101,4	2841,0
	сельское	1055,8	1016,6	1171,2	1047,2	1039,3	890,0
Удмуртская	Всего	1222,5	1250,1	1340,0	1163,0	1119,2	1056,0
	сельское	902,0	907,9	945,0	770,0	727,9	672,0
Челябинская	Всего	2703,2	2983,7	3558,4	2095,0	2045,5	1941,0
	сельское	1571,8	1700,8	1967,8	668,8	605,0	550,0
Уральский регион	Всего	13 452,5	13 972,4	15 594,9	14 735,7	14 460,2	13 337,0
	сельское	9598,3	8736,1	9168,3	8175,5	7861,6	7044,0

* Источники: Корнилов Г. Е. Уральское село и война (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993. С. 22; Население Урала в XX веке. Екатеринбург, 1996. С. 136 (данные приведены в границах соответствующих лет).

Основным фактором, детерминирующим демографическое развитие, была война и военные потери, под их воздействием складывается основная тенденция – сокращение численности населения Урала. Отрицательная динамика была несколько смягчена эвакуацией населения на Урал, она обеспечила кратковременный прирост численности населения, но последовавшая затем резэвакуация вновь усилила отрицательную тенденцию.

С 1941 по 1942 г. население Уральского региона увеличилось на 1622,5 тыс. человек (11,6 %), в том числе городское – на 1190,3 тыс. Наибольший рост населения в 1941–1942 гг. произошел в Свердловской, Челябинской и Оренбургской областях. В Пермской области, Башкирии и Удмуртии прирост был практически не замечен. Положительная динамика численности населения на первом этапе войны связана с механическим приростом населения. В частности, к концу 1941 г. на Урал было эвакуировано до 1,5 млн человек, а всего за период с июля 1941 по декабрь 1942 г. Уральский регион принял 2 млн 127 тыс. человек (Свердловская область – 719 тыс., Челябинская – 500, Пермская – 315, Оренбургская – 240, Башкирская АССР – 278, Удмуртская АССР – 75 тыс. человек), что составило около 1/4 от всех эвакуированных в РСФСР. К концу 1942 г. удельный вес эвакуированных среди населения достиг 9,7 %. При распределении эвакуированного населения женщины, дети и престарелые в основном располагались в сельской местности; рабочие, служащие и члены их семей – в городской. В Свердловской области 77,7 % эвакуированных были оставлены в городах, а в аграрных регионах – Оренбуржье, Башкирской АССР – соответственно, 51,6 и 58,4 % были направлены в деревню. В целом к концу 1942 г. из переехавших на Урал людей 51,7 % разместились в городе, 48,3 % – в сельской местности⁵.

В 1942 г. поток мигрантов начинает снижаться, но не иссякает полностью, так как население Урала в последующие годы пополняется за счет массовых депортаций народов Крыма, Кавказа, Поволжья, а в конце войны в результате перемещения сюда сотен тысяч военнопленных и интернированных. Рост населения продолжался вплоть до 1942 г., а затем с 1943 г. его численность начинает постепенно падать как в сельской, так и в городской местности.

Наиболее высокий прирост за годы войны наблюдается среди городского населения Урала. За 1941–1943 гг. численность горожан в регионе выросла на 25,3 %, в том числе в Свердловской области – на 31,6 %, Оренбургской – 31,3, Челябинской – 23,3 %. В меньшей степени растет численность сельского населения – за 1941–1942 гг. всего на 4,95 %. Однако эта тенденция характерна не для всех территорий, в Башкирской АССР наблюдается отрицательная динамика численности сельского населения. Миграционный приток в сельскую

местность в первый год войны позволил в определенной степени компенсировать убыль населения. Однако уже в последующие годы из-за мобилизации в армию и промышленность произошло заметное сокращение жителей уральского села – за 1942 г. на 10,8 %, а в Удмуртии, например, на 18,5 %. К 1945 г. в результате эвакуации и мобилизации Урал потерял 2,5 млн человек, наибольшая часть которых пришлось на сельскую местность⁶.

В общей сложности с 1 января 1941 г. по 1 июля 1945 г. население Урала сократилось на 7,7 % или на 1076,6 тыс. человек, причем за это время городское население увеличилось на 21,6 %, а сельское, наоборот, уменьшилось на 25,2 % или на 2205,5 тыс. человек. Наиболее значительное сокращение сельского населения наблюдается в аграрных областях Урала – Удмуртии (25,9 %), Башкирии (18,3%), Оренбуржье (18,7%). В промышленных областях – Свердловской, Пермской, Челябинской – убыль была значительно ниже (12–14 %). Соответственно, удельный вес горожан в составе населения Урала вырос с 37,5 до 44,2 %. Увеличение доли городских жителей произошло повсеместно, но особенно на Среднем Урале.

Таким образом, в годы войны в демографическом отношении наиболее пострадала сельская местность, ее внутренний потенциал и возможности развития были существенно подорваны. Основными факторами, повлиявшими на изменение численности сельского населения помимо военных потерь и повышения смертности в годы войны, стали мобилизация молодежи для работы в промышленности, а также преобразование сельских поселений в городские. Так, например, в Свердловской области в результате административных преобразований 31,3 тыс. человек перешли из категории сельского населения в городское. По мобилизации на постоянную работу в промышленность и в школы ФЗО было направлено 29,8 тыс. человек. В результате эвакуации из сельской местности Свердловской области выбыло 54 тыс. человек, а естественная убыль населения составила 16 тыс. человек⁷. Уральская деревня в годы войны понесла двойные потери – гибель людей на фронтах и уход населения в города.

За годы войны существенно изменилась половозрастная структура сельчан: вырос удельный вес жителей в нетрудоспособном возрасте (до 14 и старше 60 лет) с 49,4 % в 1939 г. до 64,5 % в 1945 г.,

а в экономически активном возрасте снизился с 50,6 до 35,5 %⁸. Это еще более осложнило ситуацию с трудовыми ресурсами, которая и до войны была непростой. В 1938 г. из 264 районов Урала только 49 имели достаточное количество трудоспособных, 121 обладали излишками, остальные испытывали их нехватку. К 1943 г. в колхозах страны оставалось 66 % трудоспособных колхозников от уровня 1940 г., а на Урале – 62,4 %, в 1945 г., соответственно, 68 и 62,2 %⁹.

Потери понесли, прежде всего, мужчины призывного возраста, так как в сельской местности мобилизацией были охвачены практически все. За годы войны доля мужчин в структуре сельского населения Урала сократилась с 46,7 % в 1939 г. до 36,8 % в 1945 г. Наиболее интенсивно половой состав населения ломался в Оренбургской и Курганской областях, Башкирской и Удмуртской АССР. Число лиц мужского пола в удмуртской деревне уменьшилось в 1,9 раза (на 46,5 %), в оренбургской – в 1,8 раза (44,3 %), а в целом в уральской деревне – в 1,7 раза (42,2 %). Уменьшение доли мужского населения не могло не повлиять на демографические процессы, в частности на уровень брачности и рождаемости¹⁰.

Положение усугублялось постоянными мобилизациями сельского населения на работы в промышленности, на торфо- и лесоразработки. Так, например, в Челябинской области в июне 1943 г. 500 колхозников были направлены на Магнитострой и 50 – на Кировский завод, в июле того же года 100 юношей и девушек поступили в ремесленные училища. В Свердловской области на конец 1943 г. в области насчитывалось 435,7 тыс. колхозников, из них 18,4 тыс. работали на промышленных предприятиях¹¹.

Недостаток рабочих рук, особенно во время уборки урожая, пытались компенсировать путем привлечения горожан. В индустриальных областях Урала мобилизация на сельхозработы начала проводиться уже в июле – августе 1941 г.¹² В апреле 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»¹³. В 1943 г. на Урале мобилизованные горожане выработали в сельском хозяйстве 21,3 млн трудодней, что составило лишь 5,5 % от количества трудодней, начисленных в колхозах¹⁴. Кроме колхоз-

ников и мобилизованных в сельском хозяйстве трудились в годы войны эвакуированные, но отдача от них была незначительной, так как в сельской местности в основном размещались женщины, дети и старики.

В целом негативные тенденции динамики сельского населения – сокращение его численности и нарушение половозрастной структуры, которые впоследствии так и не были преодолены, предопределили развитие уральской деревни. В годы войны начинается интенсивное «сжатие» поселенческой сети – ее измельчание и концентрация. Война не только ускорила эти процессы, но и придала им деформированный характер, усугубив разрыв по уровню жизни между городом и селом.

Если говорить об особенностях развития системы расселения Уральского региона, то следует признать принципиально важное влияние эвакуации на ее динамику и структуру. На Урале в военный период на основе эвакуированных предприятий было построено большое количество новых заводов и фабрик, реконструировано и переведено на выпуск военной продукции большинство промышленных предприятий. Появление новых промышленных центров в регионе подтолкнуло развитие процессов урбанизации и перетока сельского населения в города.

За 1941–1942 гг. на восток было эвакуировано 2593 промышленных предприятия, в том числе на Урале к осени 1942 г. было размещено более 830 предприятий, 212 из которых приняла Свердловская область, 200 – Челябинская, 124 – Пермская, 90 – Оренбургская, 172 – Башкирская АССР, 34 – Удмуртская АССР¹⁵. Обустройство эвакуированных предприятий производилось по-разному: в одних случаях они сливались с родственными предприятиями и занимали их помещения; в других – под производство приспособлялись имеющиеся в городах и поселках помещения. Но нередко предприятия располагались практически на пустом месте, где возводились все необходимые производственные и административные здания, в результате в структуре городов складываются новые районы, застраиваемые по типу внутригородских поселков. Так, например, на территории Уралмаша разместился Ижорский завод и еще несколько оборонных предприятий. Уралвагонзавод расширился за счет Харьковского завода им. Коминтерна и Мариупольского

завода. Киевский завод «Большевик», эвакуированный в Свердловск в августе 1941 г., стал основой для будущего гиганта – Уралхиммаша. А первоначально его мощности размещались в помещениях гаражей и производственной артели. В Челябинской области за счет слияния Челябинского тракторного, Ленинградского Кировского и Харьковского дизельного заводов возник «танкоград».

Основную нагрузку по обустройству и размещению эвакуированных предприятий принял на себя Средний Урал. На Южный Урал было направлено меньше предприятий, но влияние было очень значительным: здесь складываются новые промышленные центры, меня отраслевую структуру этих территорий. В Чкалов (Оренбург) были эвакуированы цеха авиационного завода, завода авиационного оборудования, танкостроительный, три паровозостроительных (Великолужский, Воронежский, Ворошиловградский) заводы, предприятия по производству боеприпасов, мин и пр. Всего в Чкалов прибыло 44 предприятия. В Бузулуке разместилось 9 предприятий, в Медногорске – 5. Эвакуированные фабрики и предприятия размещались также в Соль-Илецке, Халилове, Колтубанке, Саракташе, Кувандыке, пос. Кумак, Новосергеевке, Ак-Булаке, Абдулино. Из 200 предприятий, эвакуированных на Южный Урал, 113 разместились на территории действовавших заводов, 58 были восстановлены на новых площадях¹⁶.

Эвакуация предполагала перемещение на восток не только промышленных предприятий, но и населения, которое необходимо было принять, обеспечить жильем, трудоустроить. Приток эвакуированных имел неоднозначные последствия: с одной стороны, вырос образовательный уровень населения, с другой, необходимость размещения тысяч семей требовала скорейшего решения жилищной проблемы за счет уплотнения населения, строительства упрощенных вариантов жилья – бараков, полужемлянок и т. д. В Челябинской области, к примеру, в 1941–1943 гг. было вырыто 184,3 тыс. кв. м земляных помещений. Обеспеченность жильем на Урале в зависимости от типа жилья и района колебалась от 0,8 до 4,0 кв. м на человека¹⁷.

Одним из многочисленных примеров стремительного роста городов и возникающих в них проблем выступает Шадринск – старейший город Зауралья, в котором до войны проживало чуть более 30 тыс. человек¹⁸. Во время войны здесь были размещены 6 пред-

приятый – швейная фабрика из Запорожья, Московский радиозавод и др. В связи с нехваткой жилья под квартиры и общежития пришлось приспособлять нежилые помещения, строить бараки. В результате, если до 1941 г. на 1 жителя приходилось 8 кв. м жилой площади, то в 1942 г. – 2 кв. м. Значительная часть эвакуированных (1781 человек) была расселена в селах, расположенных на расстоянии до 1 км от городской черты¹⁹.

С освобождением оккупированных территорий СССР начинается обратный процесс реэвакуации кадров, к концу 1943 г. выехало около 190 тыс. рабочих и служащих, а после завершения войны Урал покинуло до 84 % всех эвакуированных²⁰. Реэвакуация смягчила жилищную проблему, но, как и до войны, этот вопрос продолжал стоять очень остро. Более того, эвакуация и необходимость размещения сотен тысяч человек привели к тому, что за годы войны обширные городские территории были застроены неполноценным жильем, а имеющийся жилой фонд из-за отсутствия средств фактически пришел в упадок. Таким образом, социальная инфраструктура уральских городов к концу войны оказалась в состоянии глубокого кризиса. В послевоенный период эти проблемы также не решались в силу вполне объективных причин. Все основные силы были брошены на восстановление разрушенных войной городов и селений, тыловые районы на их фоне выглядели вполне благополучно. С течением времени вопросы обустройства уральских городов и сельских поселений все более обострялись.

Конечно, в первую очередь эвакуация отразилась на развитии городской поселенческой сети, придав толчок процессам урбанизации. Рост численности горожан и промышленного потенциала в областях и республиках Урала привел к тому, что за годы войны число городских поселений выросло с 226 до 282²¹. Всего в 1940–1945 гг. на Урале 41 поселок городского типа был преобразован в город, из них 13 – в Челябинской области, 11 – в Свердловской, 7 – в Пермской, 4 – в Курганской, 2 – в Оренбургской, 3 – в Башкирии, 1 – в Удмуртии. Причем 7 городов выросли из поселков, заложенных в 1930-е гг., в том числе Коркино, Пласт (Челябинская область), Верхняя Тура (Свердловская область), Новотроицк (Оренбургская область)²². Одновременно десятки сельских поселений приобретают статус городских.

Административные изменения коснулись всех уровней территориальной организации общества. Достаточно сказать, что в 1941–1945 гг. в связи с перемещением большого количества населения и промышленных предприятий на восток здесь были образованы ряд новых областей, в том числе в 1943 г. Курганская область. В рамках областных и республиканских образований растет число районов и сельсоветов. В частности, Свердловская область дает нам пример развития административно-территориальной структуры в условиях форсированной урбанизации (табл. 2). Здесь за годы войны количество городов областного подчинения с числом жителей 50 и более тысяч выросло практически в 2 раза, на 26,8 % увеличивается количество рабочих поселков.

Таблица 2

*Административно-территориальное деление Свердловской области в 1939–1945 гг.**

Показатели	1939	1940	1944	1945
Города областного подчинения	6	7	7	15
Города районного подчинения	15	15	15	16
Районы	40	39	40	47
Рабочие поселки	56	56	62	71
Сельсоветы	607	615	616	664

* Источник: ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 5238, л. 38.

С разной степенью интенсивности процессы градообразования охватывают все области и республики Урала, но особенно активно они протекают в промышленных регионах Урала. Их особенностью было то, что создаваемые здесь в годы войны поселения городского типа вырастали, как правило, из населенных пунктов, ориентированных на добывающие и перерабатывающие отрасли промышленности, торфо- и лесоразработки. Многие из них возникли на волне индустриализации в 1930-е гг., из небольших поселений они выросли в крупные населенные пункты, достигнув установленных законом критериев городских поселений. За период 1942–1943 гг. исполком Свердловского областного совета представил в Президиум Верховного Совета РСФСР 20 ходатайств об отнесении про-

мышленных населенных пунктов к категории рабочих поселков. В апреле 1944 г. на рассмотрение были переданы материалы еще по 9 поселениям. Среди вариантов были пос. Горбуново, с. Николо-Павловское (пригородная зона Нижнего Тагила), пос. Красноярка, Марсята, Филькино (Серовский район), поселки Быньги, Шурала, Калиново, Новый Таватуй, Аять (Невьянский район) и др. Численность населения в них составила на тот период от 1300 до 7700 человек. Так, например, в с. Николо-Павловском, где активно развивалась горнодобывающая промышленность, проживало 7700 человек, в селе Филькино – центре крупного леспромхоза – насчитывалось 4767 человек²³.

При рассмотрении этого вопроса учитывались, прежде всего, такие показатели, как количество жителей и их социальная структура (соотношение сельскохозяйственного и несельскохозяйственного населения). Для получения статуса рабочего поселка в населенном пункте должно было проживать не менее 2 тыс. человек, причем не менее 75 % из них должны быть заняты в несельскохозяйственной сфере. В городах численность населения должна была составлять 10 и более тысяч человек²⁴. Немаловажное внимание уделялось уровню благоустройства поселений и их инфраструктуре, в частности планировке (она должна быть регулярной), обеспеченности жилым фондом, промышленными и торговыми предприятиями, образовательными, медицинскими, культурно-бытовыми учреждениями и т. д.

В результате рассмотрения ходатайств о преобразовании сельских поселений в городские в 1941–1943 гг. в Свердловской области было зарегистрировано 14 новых рабочих поселков, а до конца войны еще 5²⁵. По остальным поселениям изменение статуса было признано преждевременным. Хотя основной причиной отказа были другие: жители городских поселений освобождались от сельскохозяйственного налога и обязательных поставок продуктов – одного из источников формирования государственного продовольственного фонда. Кроме того, на них распространялась карточная система, гарантировавшая получение необходимого минимума продуктов питания. Таким образом, изменение административного статуса населенного пункта влекло за собой изменение социально-правового положения населения, что не всегда было выгодно властям.

В Челябинской области за годы войны было образовано 5 рабочих поселков (Чебаркуль, Агаповка, Тургойск, Увельский, Черемшанка) и 9 поселений получили статус города, в том числе Карталы, Касли, Коркино²⁶.

В сельскохозяйственных областях и республиках Урала преобразование сельских поселений в городские проходило не так интенсивно и в основном охватило административные центры районов, разросшиеся за годы войны. Курганская область, в состав которой вошли 32 района Челябинской области, фактически сформировала свою городскую сеть в годы войны. На момент образования статус города в области имели только Курган и Шадринск. В годы войны были образованы еще 4 города районного подчинения – Катайск, Петухово, Шумиха, Щучье и зарегистрированы 6 рабочих поселков, выросшие из сельских районных центров. Интересно, что эта городская сеть с небольшими изменениями (в послевоенный период список городских поселений пополнился еще тремя) сохранилась вплоть до настоящего времени²⁷. В Удмуртии в 1942 г. статус рабочих поселков получили населенные пункты Бухтыш (Кама), Кизнер, Кез, в 1943 г. – Чур²⁸. В основном это сельские поселения, выполнявшие функции районных центров, время основания которых уходит в глубь веков и относится к XVII–XVIII вв.

Таким образом, в результате промышленного освоения сельской территории часть поселений за годы войны кардинально меняется, приобретая новые качественные характеристики, позволяющие отнести их к категории городских населенных пунктов. После войны преобразование сельских поселений в городские продолжалось достаточно активно, став одной из причин сокращения численности сельских поселений. Тем более что при определении границы нового городского поселения, оно, как правило, поглощало близлежащие деревни и села. Так, например, поселок Зыряновский Алапаевского горсовета, зарегистрированный в 1941 г., объединил пос. Зыряновского рудника и ж. д. будки 2 и 6 км²⁹. В это же время был образован рабочий поселок Михайловский (Нижнесергинский район Свердловской области), включивший в свою черту дер. Воронино и пос. Новый³⁰.

В условиях форсированной урбанизации, которая охватила Урал в годы войны, уральская деревня также претерпевает определен-

ные изменения. Урбанизация сельской местности протекала в двух основных направлениях: 1) сокращение численности сельских поселений за счет преобразования их в городские, а также поглощения городами и рабочими поселками; 2) изменение структуры сельского расселения, связанное с увеличением удельного веса несельскохозяйственных поселений.

Одним из последствий роста городов в годы войны стало изменение их границ, сопровождавшееся включением в городскую зону близлежащих сел и деревень. Так, например, в 1941 г. в городскую черту Тавды были включены 3 населенных пункта³¹. Этот процесс активизировался в послевоенный период в связи с упорядочением вопросов землеустройства. Так как городам требовались новые пространства для дальнейшего развития, в облысполкомы стали поступать ходатайства о расширении и территорий. Подобные ходатайства поступили в Свердловский областной совет от таких городов и рабочих поселков, как Каменск-Уральский, Карпинск, Сухой Лог, Красноуфимск, Верхняя Тура, Бисерть, Верхняя Синячиха и др. В результате расширения их границ часть пригородных деревень прекращает свое существование.

Другое направление урбанизации сельской поселенческой сети было связано с развитием промышленности и транспорта региона в соответствии с оборонными нуждами и формированием на этой основе новых поселений. Так, например, недалеко от пос. Динас Первоуральского горсовета (Свердловская область) в 1941 г. на базе разработок кварцитов для Калатинского медеплавильного завода возник пос. Калата. Первоначально здесь имелся только барак для рабочих, вокруг которого постепенно расстроилась деревенька³². Эти факты не единичны – нужды фронта требовали увеличения объемов лесозаготовок, добычи природных ресурсов. В 1938–1943 гг. Уральским геологическим управлением в общей сложности было открыто 4 месторождения высококачественных железных руд, разведаны и утверждены запасы по 9-ти и 5 месторождений были переданы промышленности для использования³³. По сравнению с 1940 г. в 1944 г. объем добычи железнорудного сырья увеличился на 22,8 %³⁴. Рост объемов производства в годы войны достигался, прежде всего, за счет экстенсивных способов, в том числе за счет роста напряженности труда горняков, «хищнической» выра-

ботки месторождений, немаловажную роль в этом сыграло введение в строй новых месторождений. На Богословском, Егоршинском, Кизеловском, Челябинском и других угольных месторождениях за годы войны было построено и введено в эксплуатацию более 100 шахт и разрезов с общей годовой мощностью 16 250 тыс. т топлива³⁵. Развивалась добыча нефти, торфа, природного газа. Разработка этих ресурсов сопровождалась созданием определенной инфраструктуры, в частности приисковых поселений.

Аналогичная ситуация характерна для лесной промышленности. Резко возросший спрос на лесопродукцию ставил перед отраслью трудновыполнимые задачи. Положение осложнялось тем, что значительная часть рабочей силы, лошадей и техники была мобилизована, не хватало горючего. Несмотря на это, объемы производства росли. По данным А. А. Антуфьева, на Урале в 1941–1945 гг. было произведено 178 млн куб. м древесины³⁶. Крупнейшими поставщиками леса в стране выступали Пермская и Свердловская области, они занимали по объемам производства лидирующее положение в СССР. Наиболее значимых результатов в годы войны достигла лесохимическая промышленность Урала, отраслевая структура которой была существенно расширена за счет появления новых производств: этилового спирта, смазочных масел, горючих продуктов из древесной смолы и дегтя и т. д. Расширение производства частично осуществлялось на основе внедрения новых технологий, но в основном за счет увеличения лесоразработок. Это способствовало развитию сети лесопромышленных поселений, которые выступают в качестве важнейшего элемента инфраструктуры отрасли.

Особенностью лесопромышленных поселений было то, что они, как правило, были временными. Поселки строились в местах лесоразработок на 3–5 лет и закрывались, как только лесные ресурсы на данной территории истощались. Поэтому лесные поселения нередко представляли упрощенный вариант обустройства: несколько бараков, где проживали рабочие, завербованные на заготовку леса. К числу таких поселений относился пос. Киприно, расположенный в нескольких километрах от с. Городище (Верхнетагдинский район Свердловской области). В годы войны здесь был построен барак для рабочих химводоснабжения. В послевоенные годы поселок разросся

и функционировал вплоть до конца 1960-х гг., когда был ликвидирован в связи с сокращением производства³⁷.

Значительную часть работ на лесозаготовках выполняли колхозники, мобилизованные на работы в лесу. Участие в лесоразработках стало обязанностью крестьян с конца 1920-х гг., но в годы войны она приобретает наиболее завершенный вид, оформленный в виде трудгужповинности. К лесозаготовкам привлекались все колхозники: мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, женщины – от 16 до 45 лет. Разверстка между колхозами проводилась в зависимости от сезонного плана лесозаготовок и потребности ведомств в рабочей силе. В 1930-е гг. с колхозами и колхозниками заключались трудовые договоры, хотя их труд оплачивался значительно ниже труда кадровых рабочих. Аналогичный порядок отработок колхозников использовался в торфодобывающей промышленности. Участие в трудгужповинности было тяжелой работой: ручной труд, крайне неблагоприятные бытовые условия... По воспоминаниям жителей села Абрамово (Сысертский район), в 1943 г. им пришлось отработать всю зиму на лесозаготовках. Колхозники жили в бараках – между Сысертью и Кашино. В помещениях были оборудованы лишь нары, на которых рабочие спали без постельных принадлежностей, на голых досках... Везде невыносимая грязь и холод³⁸. Такие поселения чаще всего не имели своих собственных названий, а именовались в соответствии с принятой системой нумерации лесных угодий: квартал 121, участок 10 и т. д.

В годы войны растет число транспортных поселений, обслуживающих железнодорожные магистрали. На уральских железных дорогах за годы войны были введены в эксплуатацию десятки новых станций, разъездов, остановочных площадок. В 1941 г. на железнодорожной ветке Егоршино – Тавда была построена железнодорожная станция Упор, получившая название от фамилии жителей ближайшего села Писанец³⁹. Напряженный режим работы транспорта требовал строительства новых железнодорожных линий. Наряду с другими, в Удмуртии была введена почти 15-километровая линия Ижевск – Балезино. Ее строительство началось в 1942 г., а завершено было в рекордные сроки – к 1944 г. Она соединила Пермскую и Казанскую магистрали, обеспечив связь Северного Урала с районами Поволжья и Юга.

Одним из факторов расширения сельской поселенческой сети в Уральском регионе стало дальнейшее развитие пенитенциарной системы. Еще в 1930-е гг. Урал, особенно его северные территории, превращается в край ссылки и лагерей, где были расселены сотни тысяч репрессированных. В годы войны их число пополняется депортированными народами (немцы, крымские татары, чеченцы, карачаевцы, балкарцы, калмыки и пр.), военнопленными, интернированными и осужденными за военные преступления. Для их размещения была сформирована специфическая система поселений – спецпоселки и лагеря.

В спецпоселках размещались те, кто был приговорен к ссылке, – бывшие кулаки, депортированные. К началу Великой Отечественной войны в местах поселений под надзором НКВД находилось 977 110 человек. За годы войны и в послевоенный период количество спецпоселенцев по сравнению с 1940 г. увеличилось в 3 раза и к 1 января 1954 г. достигло 2 760 471 человек⁴⁰. На Урале на 1 января 1941 г. насчитывалось 220 465 спецпоселенцев, причем в Свердловской области их размещалось 39,8 %, Молотовской – 33,4 %, Челябинской – 20,7 %, Чкаловской – 0,9 %, Башкирии – 5,2 % (табл. 3).

Динамика численности спецпоселков на Урале представлена в табл. 3. По состоянию на 1938 г. их насчитывалось 299, в 1944 г. – 350, 1948 г. – 822, т. е. за 1938–1948 гг. их число выросло в 2,7 раза. За годы войны происходят определенные изменения в дислокации ссылки, которые были связаны как с расширением сферы применения подневольного труда, так и с появлением новых зон поселения. По данным на 1 января 1948 г. в Молотовской области уже насчитывается 36 % спецпереселенцев (в основном занятых в лесной отрасли), в Свердловской – 26,7 %, Челябинской – 18,5 %, Чкаловской – 5,4 %, Курганской – 0,2 %, Башкирии – 7,9 %, Удмуртии – 5,2 %. Таким образом, ссылка становится более «равномерной», охватывая не только северные, но и южные территории Урала⁴¹.

Размеры и динамика численности сети спецпоселений тесно связаны с особенностями их хозяйственной деятельности. В Курганской и Оренбургской областях преобладали сельскохозяйственные поселения, в Свердловской и Пермской – промышленные и лесохозяйственные, в Челябинской и Башкирской АССР – промышленные.

Таблица 3

*Динамика численности спецпоселков и спецпоселенцев на Урале
в 1938–1948 гг. **

Дата	Параметры измерения	Свердловская область	Челябинская область	Молотовская область	Курганская область	Чкаловская область	Удмуртская АССР	Башкирская АССР
На 1.07.1938	Спецпоселки	243	40	—	—	3	—	13
	Спецпоселенцы, чел.	171 899	57 337	—	—	3532	—	12 624
На 1.01.1941	Спецпоселки	145	41	101	—	3	—	12
	Спецпоселенцы, чел.	87 396	46 227	73 235	—	2105	—	11 502
На 1.01.1943	Спецпоселки	162	44	99	—	3	—	15
	Спецпоселенцы, чел.	86 683	45 604	72 405	—	1991	—	11 360
На 1.07.1944	Спецпоселки	168	47	70	7	8	—	50
	Спецпоселенцы, чел.	72 691	32 341	20 630	478	1250	—	7552
На 1.07.1945	Спецпоселки	196	45	94	Нет сведений	9	19	Нет сведений
	Спецпоселенцы, чел.	78 900	30 788	12 734	—	1157	624	—
На 1.01.1948	Спецпоселки	170	132	377	7	22	36	78
	Спецпоселенцы, чел.	56 588	64 029	81 628	403	11 294	9474	16 414

* Источник: ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1, д. 48, л. 9; д. 89, л. 45, 78; д. 159; д. 184; д. 187; 191; 260 (данные приведены в границах соответствующих лет).

По данным о дислокации спецпоселений в Свердловской области в 1941 г. (табл. 4) их средняя людность составила 602,7 человека. Причем около половины составляли поселения с населением от 201 до 300 человек (21,8 %) и 501–1000 человек (25,8 %). Их размер находился в прямой зависимости от хозяйственного типа. Большинство промышленных поселений имели население свыше 500 человек. Особенно высокой была концентрация населения в тех населенных пунктах, которые создавались при крупных стройках, в частности в Нижнем Тагиле, где в это время насчитывается 10 спецпоселков. Более мелкие по размерам промышленные поселения были связа-

ны с горнодобывающей отраслью и создавались при приисках, рудниках и шахтах. Лесопромышленные поселения по своим размерам значительно уступали промышленным, хотя и здесь могли встречаться достаточно крупные населенные пункты, как, например, пос. Еловка Верхнетавдинского района. Средний размер лесных поселков составлял 476,3 человека. Небольшие размеры были свойственны сельскохозяйственным поселениям, среди которых преобладали населенные пункты с численностью населения от 301 до 400 и от 101 до 200 человек.

Т а б л и ц а 4

*Распределение спецпоселков Свердловской области по численности и хозяйственной направленности по данным на 1 января 1941 г., %**

Число жителей, чел.	Хозяйственный тип поселка				Всего
	Промышленный	Лесопромышленный	Сельскохозяйственный	Лагерные отделения	
До 100	0,7	1,4	0,7	0,7	3,5
101–200	3,3	4,0	1,9	1,4	10,6
201–300	7,3	11,2	1,4	1,9	21,8
301–400	4,0	9,3	2,6	1,4	17,2
401–500	1,9	2,6	0,7	0,0	5,3
501–1000	12,6	11,2	0,7	1,4	25,8
1001–2000	7,9	2,6	0,0	0,0	10,6
2001–3000	3,3	0,0	0,0	0,0	3,3
3001 и более	1,9	0,0	0,0	0,0	1,9
Всего	43,1	42,4	7,9	6,6	100,0

* Источник: ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1, д. 89 (составлено по спискам спецпоселений Свердловской области за 1941 г.).

В конце 1930-х гг. в особую категорию выделяются поселения, имеющие статус лагерных отделений. В 1941 г. их удельный вес составляет в Свердловской области 6,6 %. В дальнейшем эта категория поселений интенсивно развивается. Таким образом, сеть спецпоселений в годы войны имеет тенденцию к расширению в связи с увеличением числа ссыльных.

В дополнение к системе спецссылки в Уральском регионе была развернута лагерная сеть, предназначенная для содержания и тру-

дового использования заключенных. Она сложилась во второй половине 1930-х гг., раскинувшись на огромных пространствах. К 1940 г. ГУЛАГу подчинялись 53 лагеря, 425 ИТК (в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных, 172 «контрагентских»)⁴². В довоенный период на территории Урала насчитывалось более 30 лагерей и исправительно-трудовых колоний, содержащих десятки тысяч заключенных.

Первая крупная лагерная система на севере Урала – Ивдельлаг – начинает формироваться в 1937 г. На 1 января 1938 г. в ней содержалось 13 500 человек. Заключенные в основном использовались на лесозаготовках и железнодорожном строительстве. В пользование Ивдельлага были переданы гигантские территории, в частности леса площадью 1301 тыс. га. В 1938 г. начинает создаваться Севураллаг. Этот лагерь раскинулся на территории Гаринского, Таборинского, Верхнетавдинского, Туринского, Верхотурского, Исовского и других районов – всего 12 районов Свердловской области. Общая площадь лесов, переданных Севураллагу, составила 5417 тыс. га. В рамках только этих двух лагерей было создано около 100 лагерных подразделений, многие из которых позднее превратились в самостоятельные лагеря. На основе Севураллага и Ивдельлага в годы войны оформились Тагиллаг, Богословлаг, Тавдинлаг, Лобвинлаг, Востураллаг и др.⁴³, которые, в свою очередь, делились на лагерные отделения, включавшие десятки лагерных пунктов, командировок, подкомандировок, тюрем и т. д. (в 1947 г. насчитывалось около 80 подразделений).

Труд заключенных использовался практически во всех сферах военной экономики, но особенно активно в добывающей промышленности, на лесоповале, в строительстве. Только в Кизеловском угольном бассейне 40 % подземных рабочих были представлены спецконтингентом. Тяжелые условия жизни и труда заключенных сказывались на уровне смертности, который был чрезвычайно высоким и достигал 18,5 % от общего числа заключенных. Однако, несмотря на это, их численность имела тенденцию к росту за счет военнопленных и интернированных граждан. К 1945 г. численность пленных в регионе достигла 250 тыс. человек, наибольшее их количество было направлено в Свердловскую область. Здесь к концу войны было создано 14 лагерей для военнопленных с общим коли-

чеством заключенных 31 тыс. человек. На 1 января 1946 г. военнопленных и интернированных насчитывалось уже 90 790 человек⁴⁴. Лагерь для военнопленных и интернированных были ориентированы в основном на городскую поселенческую сеть и размещались в индустриальных центрах Урала – Алапаевске, Асбесте, Нижнем Тагиле, Оренбурге, Свердловске, Соликамске, Челябинске и т. д.⁴⁵

Роль лагерных образований в развитии системы расселения пока мало изучена. Структура ГУЛАГа, представленная в виде сотен лагерных пунктов, ИТК, колоний для несовершеннолетних, имела сложную пространственную организацию и способствовала формированию новых населенных мест. Многие из лагерных пунктов либо заложили основу для новых поселений, либо дали толчок к ускоренному развитию ранее созданных населенных пунктов.

В отличие от поселенческой сети, сложившейся в результате расселения кулацкой ссылки, лагерная система имела четко выраженную промышленную ориентацию. Особенно значимую роль сыграли лагерные системы в освоении и развитии Северного Урала и Зауралья. Так, например, в Тавдинском районе Свердловской области пос. Северная Чернушка возник как лагерный пункт Азанковского отделения Востокураллага в 1940-е гг., население его состояло из семей обслуживающего персонала, эта специфика сохраняется вплоть до настоящего времени. Поселок Карьер, или Песчаный, в этом же районе был образован в 1911 г. при строительстве железной дороги. В предвоенные годы здесь начались лесоразработки, а с июля 1942 г. в поселке было размещено отделение Востокураллага. В дальнейшем здесь работала шпалорезка, в 1970 г. была построена птицефабрика. В настоящее время поселок продолжает существовать как дачный. Другую судьбу имел пос. Каранино, возникший в годы войны при строительстве узкоколейной железной дороги. До 1975 г. здесь существовал лагерный пункт и исправительно-трудовая колония. С истощением лесных ресурсов производство было закрыто, последние хозяйства были переселены в 1975 г.⁴⁶

Таким образом, динамика развития сельской поселенческой сети на Урале в годы войны определялась противоречивыми факторами. С одной стороны, происходит сокращение численности сельских поселений в связи с административными реорганизациями,

в результате которых часть поселений преобразуется в городские или же поглощается городскими образованиями. С другой стороны, превращение Урала в один из крупнейших индустриальных регионов страны, обеспечивающих оборонно-промышленную мощь государства, отразилось в расширении городской сети, а также в появлении новых промышленных, транспортных поселений, имеющих сельский статус. Итог противоборства этих тенденций оценить достаточно сложно, так как состояние учета поселенческой сети было очень плохим. Появление новых поселений, как правило, не сопровождалось их регистрацией, так же как и включение деревень в городскую черту. В документах оперативного учета поселковых, городских советов они нередко продолжали значиться как самостоятельные поселения. Не было у советских работников и четких критериев, какие населенные места следует считать поселениями. Все это осложняет анализ изменений поселенческой сети, внося погрешности при подсчете. Кроме того, далеко не везде сохранились данные оперативного учета поселенческой сети. В частности, в Пермской, Оренбургской областях такие материалы в архивах не были обнаружены. Исключение составляет Свердловская область, где в фонде Областного исполнительного комитета сохранились списки за 1939, 1943 и 1948 гг., позволяющие оценить динамику сельской поселенческой сети в годы войны. В 1939 г. в области насчитывалось 6625 населенных пунктов, на 13 января 1943 г. – 6792, на 1 апреля 1948 г. – 4349 сельских поселений⁴⁷. Приведенные данные, не претендуя на абсолютную точность, позволяют проследить общую тенденцию изменения сельского расселения, связанную с сокращением численности сельских поселений. Небольшой рост количества поселений наблюдается до 1943 г., а затем сменяется достаточно резким его сокращением – на 34,3 % в сравнении с 1939 г. Такая динамика в большей степени характерна для индустриально развитых областей, где более активно протекают процессы урбанизации, влияя на изменение структуры и численности сельской поселенческой сети. В сельскохозяйственных областях, таких как Курганская, Оренбургская, Башкирская АССР, Удмуртия, динамика изменений более ровная. И хотя численность населенных пунктов здесь также снижается, но не так резко (табл. 5).

*Динамика сельской поселенческой сети в 1939–1956 гг.**

Республика, область	На 17.01.1939 г.		На 01.01.1956 г.	
	Число поселений	Население, тыс. чел.	Число поселений	Население, тыс. чел.
Уральский регион	46 037	8701,5	36 420	7760,0
Курганская	—	—	2270	705,0
Оренбургская (Чкаловская)	4783	1296,7	4575	1056,0
Пермская (Молотовская)	15 160	1259,9	9351	1306,0
Свердловская	5282	1007,7	3549	978,0
Челябинская	6504	1619,6	3116	728,0
Башкирская АССР	9147	2618,6	8710	2104,0
Удмуртская АССР	5161	898,8	4849	783,0

* Источники: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 20, 78, 126, 180, 232, 288; РГАЭ. Ф. 1562, оп. 27, д. 195, л. 85–87; оп. 336, д. 133, л. 17; Население Урала, XX век. Екатеринбург, 1996. С. 138.

Темпы «сжатия» поселенческой сети в сельскохозяйственных областях в несколько раз ниже, чем в промышленных. Если в Оренбуржье, Башкирии и Удмуртии число сельских поселений с 1939 по 1956 г. сократилось на 4–6 %, то в Свердловской и Пермской областях – на 32–38 %. Промежуточное положение занимают Курганская и Челябинская области, где сокращение составило около 17 %.

Таким образом, уже в годы войны начинает преобладать отрицательная тенденция в развитии сельского расселения, знаменуя его переход в новое качественное состояние. Война подтолкнула и ускорила процессы урбанизации на Урале. Распирение городской поселенческой сети происходило в основном за счет сельской местности. В первую очередь эти процессы охватывают промышленно развитые регионы, в сельскохозяйственных областях и республиках они развиваются с некоторой задержкой, но это не свидетельствует об их отставании. Напротив, промышленные области в силу объективных обстоятельств начинают форсировать естественные процессы урбанизации, что всегда приводит к неоправданным деформациям структурных и системных характеристик расселения.

Рассматривая проблемы развития уральской деревни в военный период, нельзя не затронуть вопрос о ее «разрушении». Применительно к тыловым районам здесь речь идет о стремительном ухудшении условий жизни сельского населения, что находило свое отражение в обветшании жилых построек, подворья, требующих постоянного ремонта, сокращении сети культурно-бытовых сельских учреждений. Село выступало в качестве основного донора в отношении человеческих и материальных ресурсов, необходимых для фронта и победы. За годы войны уральское село было фактически обескровлено и нуждалось в восстановлении, как и прифронтовые районы.

После окончания войны была разработана система мероприятий, направленных на восстановление сельской поселенческой сети. В первую очередь она охватывала регионы, пострадавшие в ходе боевых действий. Программа восстановления сельскохозяйственного производства была изложена в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 января 1943 г. и постановлении от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Возрождение разрушенных войной территорий проходило медленно, с большим трудом: не хватало рабочих рук, средств, стройматериалов. Как правило, строительство жилых домов велось силами колхозников. Те семьи, которые не имели трудоспособных членов и финансовых средств, длительное время не могли улучшить свои бытовые условия. Но были и положительные примеры: в колхозе Гачки Дновского района Псковской области были разрушены все 38 домов. К восстановлению приступили в 1944 г. На 1 января 1946 г. в селе были готовы 22 дома и еще 3 находились в стадии строительства. Причем выстроенные дома отличались от старых изб. Они были просторнее, состояли из 2–3 комнат. Интересно, что селение восстанавливалось по специально разработанному проекту и не воспроизводило довоенную планировку. Жилые дома располагались с одной стороны дороги, с другой – усадебные участки с фруктовыми садами. Такой вариант восстановления рассматривался как предпочтительный, так как позволял «преодолеть» недостатки планировки традиционной деревни и превратить отстраиваемый поселок в населенный пункт, соответствующий критериям «социалистической деревни»⁴⁸.

Еще до войны в партийных документах неоднократно ставилась задача социалистического преобразования села. В своем докладе на XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин отмечал: «Изменился облик деревни. Старая деревня с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане – начинает исчезать. На ее место выступает новая деревня с ее общественными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, молотилками, автомобилями»⁴⁹. О необходимости социалистической реконструкции села писал в своей статье М. И. Калинин: «В сельском строительстве мы должны отразить те экономические изменения, которые произошли в деревне. В самом деле, коллективизация сельского хозяйства мало отразилась на планировке наших сел, а тем более на архитектурном оформлении общественных и хозяйственных построек»⁵⁰. В ходе восстановительных работ был вновь поставлен вопрос об изменении веками сложившегося облика «единоличной» деревни, ее планировки и благоустройства так, чтобы «она отвечала возросшим культурно-бытовым запросам колхозников и по своему архитектурному оформлению приближалась к поселениям городского типа»⁵¹.

Решительное наступление на традиционную деревню было связано с принятием постановления Совнаркома РСФСР от 8 июля 1945 г. «О сельском и колхозном строительстве и выполнении мероприятий по ликвидации землянок», предусматривающего систему мероприятий по расширению строительных работ в сельской местности, в том числе организацию в колхозах строительных бригад, использование местных строительных материалов и т. д.⁵² Значительное внимание было уделено разработке типовых проектов и генеральных планов поселений. С этой целью в 1946 г. был организован Государственный институт проектирования сельских населенных мест (Гипросельстрой)⁵³. В областях, краях и республиках РСФСР к 1948 г. было создано 24 проектных бюро, в том числе 17 – в 1946 г., 2 – в 1947 г. На Урале проектные бюро были организованы в Свердловской и Челябинской областях. За два года проектные организации выполнили планировку 140 сельских райцентров и 400 населенных пунктов⁵⁴. Институтом издавались популярные брошюры по планировке и застройке сел с рекомендациями, в которых, с одной стороны, колхозников предупреждали против застройки дере-

вень по типу городов, а с другой – рекомендовалось использовать для застройки проекты 2-этажных домов (коттеджей). В соответствии с новыми требованиями в застройке должен быть отражен «общественный характер» жизни колхозного села, в обустройстве поселений появляются такие новые элементы, как производственно-хозяйственный и общественно-административный центр, парк отдыха, сеть культурно-бытовых учреждений. Значительное внимание уделялось благоустройству, которое, однако, в этот период сводилось в основном к решению вопросов водообеспечения и озеленения.

Результаты восстановления были достаточно впечатляющими. В короткий срок ценой неимоверных усилий удалось возродить значительную часть разрушенных поселений. В Псковской области было заново восстановлено около 2 тыс. колхозных сел. Причем нередко одновременно проводилась перепланировка населенных пунктов, сселение хуторов. В ходе зонирования территории населенных пунктов хозяйственные постройки выносились на окраину села, оформлялся административно-культурный центр. При проведении благоустройства особое внимание уделялось озеленению, организации водоснабжения, устройству заборов и палисадников, простейших тротуаров, строительству бань. В Воронежской области за 1947 г. было построено 8543 жилых дома, 2752 хозяйственных постройки, 378 культурно-бытовых зданий, 27 кирпичных заводов⁵⁵. В Тульской области в 1947 г. в 2450 отстроенных домов переселились 1996 семей, однако обязательства по ликвидации землянок все же выполнены не были⁵⁶.

Всего за послевоенные годы было построено и восстановлено в общей сложности свыше 300 тыс. хозяйственных и животноводческих построек, 27 тыс. культурно-бытовых и административных зданий, 1215 тыс. жилых домов, куда переселились около 5 млн колхозников⁵⁷. В восстанавливаемых областях новое строительство составило свыше 40 %.

Несмотря на нововведения, подавляющее большинство сел и деревень возрождались на традиционной основе. За 1946–1949 гг. проектными бюро было разработано чуть больше 400 проектов планировки сел⁵⁸. Этого было явно недостаточно. Чаще всего колхозы не имели планов ликвидации землянок, работников, транс-

портных средств. Качество застройки не отвечало требованиям в связи с дефицитом стройматериалов и отсутствием технического контроля. В той же Псковской области при застройке большинства сел сохранялась их прежняя планировка. В Великолукской области колхозники, по наблюдениям отделов сельского и колхозного строительства, созданных при райисполкомах, строили там, «где им нравится», без увязки с другими объектами. В Калужской области на официальном уровне было принято решение о сохранении прежнего порядка застройки усадеб⁵⁹. При строительстве жилья широко использовались традиционные приемы: избы возводились без фундамента⁶⁰.

Практически все средства и имеющиеся ресурсы правительство направляло для восстановления освобожденных территорий. Тыловые районы, в том числе Урал, оказались вне зоны внимания властей и испытывали серьезные трудности. Военные годы не прошли бесследно. Сельское хозяйство переживало серьезный кризис, обветшали постройки, техника, не хватало рабочих рук. В Свердловской области в 1947 г. около 40 % домов колхозников, производственных и культурно-бытовых построек требовали срочного ремонта. Многие дома в уральских деревнях стояли пустыми⁶¹. Сельская местность нуждалась в поддержке и реконструкции.

В условиях послевоенной разрухи сельское хозяйство тыловых районов, в том числе Урала, вынуждено было работать с полной отдачей, без помощи и дотаций. Фактически именно оно стало донором, за чей счет велось восстановление не только промышленности, но и сельского хозяйства пострадавших от войны территорий. Причем, учитывая трудности военного времени, уральцы нередко делились с освобожденными от оккупации районами самым необходимым – продовольствием, строительными материалами. В октябре 1943 г. Совнарком Башкирской АССР отправил в Ворошиловградскую область эшелон из 55 вагонов с разным оборудованием, стройматериалами, инструментом, в том числе 9 вагонов круглого леса, 9 – пиломатериалов, 1 – фанеры, 2 – оконного стекла, 1 – алеста, 50 т железа, гвоздей⁶².

Конечно, объемы строительных работ на Урале не шли ни в какое сравнение с освобожденными территориями. В 1948 г., например, в сельской местности РСФСР было отстроено 127 тыс. домов,

в том числе в восточных районах страны только 14 тыс.⁶³ В Челябинской области за 1946–1947 гг. было построено в сельской местности 2021 новый жилой дом, 5416 домов отремонтировано, возведено 409 культурно-бытовых, 1612 животноводческих построек, отремонтировано 3907 зданий, 75 зернохранилищ, 441 зерносушилка⁶⁴. В Свердловской области в 1947 г. было построено и восстановлено 772 дома (38,6 % от плана), 737 животноводческих построек (97,5 %), 3356 хозяйственных построек (275,7 %). Отремонтировано 1226 жилых домов, построено 203 культурно-бытовых и административных здания, проложено 146,5 кв. м дорог. С целью озеленения было высажено 34,3 тыс. штук деревьев.

Как правило, сельское строительство на Урале велось без планов, силами колхозов или крестьян, т. е. все зависело от состояния хозяйств. Крепкие артели в вопросах реконструкции достигли неплохих результатов. В колхозах «Первое мая» (Красноуфимский район), «Вперед», «Объединение», «Заря» (Ачитский район) и др. в послевоенные годы были построены новые дома, появился водопровод, электричество, радио, социально-бытовые и культурные учреждения. Как написано в одном из отчетов: «На наших глазах происходит историческое творение большевистской партии – постепенная ликвидация вековой противоположности между городом и деревней»⁶⁵.

Однако чаще встречалась другая картина. Ослабевшие за годы войны колхозы не имели возможности вести серьезное строительство, не хватало ни сил, ни средств. В дополнение ко всему стоимость строительных работ была очень высокой. В Еланском районе Свердловской области в колхозе им. Коминтерна за рубленый коровник, крытый соломой, шабашникам уплатили 35 тыс. руб., за картофелехранилище – 24,6 тыс. Своих строительных бригад большинство колхозов области не имело⁶⁶. Непосильной задачей для хозяйств стало финансирование проектных работ. Областные проектные бюро запрашивали значительные суммы за их проведение. Разработка одного проекта обходилась колхозам в 15–20 тыс. руб. и дополнительно еще по 3–4 тыс. за каждое помещение⁶⁷. Не хватало стройматериалов – кирпича, известняка, черепицы. Производство стройматериалов в области составляло только 20% от запланированных объемов⁶⁸. В частности, в 1948 г. в Свердловской области

было построено всего 26 кирпичных заводов в Артинском, Белоярском, Невьянском районах и др. при плане 65 заводов⁶⁹. Из имеющихся в области 168 заводов 74 так и не изготовили ни одного кирпича, а остальные работали в половину своих мощностей.

Таким образом, в результате войны пострадали не только оккупированные территории, но и сельская местность восточных районов. Уральская деревня, внесшая значительный вклад в победу, к концу войны оказалась в кризисной ситуации и тоже требовала реконструкции и капиталовложений. Но в силу объективных обстоятельств, необходимости первоочередного восстановления разрушенных войной территорий, это было невозможным. Уральская деревня вынуждена была выживать самостоятельно, подпитывая своими ресурсами промышленность и города. Разрушающее воздействие войны оказало дестабилизирующее влияние на сельскую поселенческую сеть и подтолкнуло процессы раскрестьянивания.

Вместе с тем сразу после войны повсеместно наблюдается стремление к рсанимации существовавших до войны поселенческих структур. Восстановление происходило, как правило, на традиционной основе, но с элементами модернизации, в которых нашли отражение новые представления о путях развития села (разработка типовых проектов, зонирование территории поселений, переориентация на каменное строительство). Среди основных задач в области сельского строительства в послевоенные годы выдвигается задача сближения города и деревни и преобразование ее на городских началах. Впоследствии она превращается в одно из основных направлений реорганизации сельской местности.

¹ История советского крестьянства. М., 1987. Т. 3. С. 302–303.

² ГАРФ. Ф. 311, оп. 1, д. 111, л. 277.

³ История советского крестьянства. Т. 3. С. 302–303.

⁴ ГАРФ. Ф. 7523, оп. 78, д. 702, л. 37.

⁵ Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 268.

⁶ Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000. С. 223.

⁷ Корнилов Г. Е. Уральское село и война (проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993. С. 28.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ Мотрович В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. С. 42–44.

¹⁰ Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. С. 42–44.

¹¹ Там же. С. 45.

¹² Корнилов Г. Е. Уральское село и война... С. 119.

¹³ Сборник указов, постановлений и распоряжений. Челябинск, 1945. С. 388–389.

¹⁴ Корнилов Г. Е. Уральское село и война... С. 120.

¹⁵ Урал в панораме XX века. С. 267.

¹⁶ Футорянский Л. И. Размещение эвакуированных предприятий на Южном Урале // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Тез. докл. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 20–21 апреля 1995 г. Екатеринбург, 1995. С. 95.

¹⁷ Урал в панораме XX века. С. 269.

¹⁸ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 273.

¹⁹ Парфенова С. А. Вклад шадринцев в победу над врагом // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 153.

²⁰ Сафронов А. А. Перераспределение трудовых ресурсов между западными регионами страны и Уралом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 166–167.

²¹ Корнилов Г. Е. Уральское село и война... С. 24.

²² Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. С. 226.

²³ ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 5238, л. 5.

²⁴ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О рабочих поселках» // СУ РСФСР. 1926. № 65.

²⁵ Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г. Свердловск, 1968. С. 8–13.

²⁶ Челябинская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 г. Челябинск, 1971.

²⁷ Подсчитано по: Курганская область. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1958 г. Курган, 1958; Курганская область. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1966 г. Курган, 1966; Курганская область в цифрах за 60 лет. Курган, 2003. С. 17.

²⁸ Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. Ижевск, 1995. С. 181, 182, 189.

²⁹ ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 5238, л. 29.

³⁰ ГАРФ. Ф. 7523. оп. 12, д. 148.

³¹ РГАЭ. Ф. 1562, оп. 27, д. 674.

³² Дунаев Ю. Топонимы окрестностей Первоуральска. Первоуральск, 1992. С. 32.

³³ Дементьев И. В. Вклад горнорудного Урала в Великую победу // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 74.

³⁴ Величко Ю. В. Горнорудная промышленность Урала в период Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 69.

³⁵ Урал в панораме XX века. С. 274.

³⁶ Антупьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 100.

³⁷ Ермолаев В. Тавдинское местопписание. Екатеринбург, 1999. С. 170–171.

³⁸ Летопись уральских деревень. Сысертский район. Свердловская область, 1995. Вып. 2. С. 19.

³⁹ Брылин А. И., Коверда П. Т. Артемовский краеведческий словарь. Артемовский, 1998. С. 185.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1, д. 949; л. 44.

⁴¹ Подсчитано по: Там же. Д. 89, л. 214–220; д. 257, л. 104; д. 435, л. 134.

⁴² Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е – начало 1950-х гг. Ч. 2: Тагиллаг, 1940 – начало 50-х гг. Нижний Тагил, 1996. С. 6.

⁴³ Там же. С. 7.

⁴⁴ Смыкалин А. С. Пенитенциарная система страны в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 120.

⁴⁵ Урал в панораме XX века. С. 271.

⁴⁶ Ермолаев В. Тавдинское местопписание. С. 147, 170–171.

⁴⁷ Здесь приведены данные административного оперативного учета поселенческой сети. Списки населенных пунктов области создавались исполнительными органами по разным причинам, например, в 1948 г. – с целью составления плана работы областного лекционного бюро. Сведения административного и статистического учета различаются достаточно существенно, это связано с особенностями регистрации поселений (подсчитано по: ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 4811, 5723, 6026).

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 311, оп. 1, д. 7, л. 29.

⁴⁹ Там же. Д. 111, л. 333.

⁵⁰ Там же. Л. 332.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Д. 7, л. 29.

⁵³ Там же. Д. 284, л. 22.

⁵⁴ Там же. Д. 176, л. 1.

⁵⁵ Там же. Д. 111, л. 232.

⁵⁶ Там же. Л. 110, 117.

⁵⁷ Там же. Д. 369, л. 3.

⁵⁸ Там же. Д. 265, л. 34, 46.

⁵⁹ Там же. Д. 7, л. 141.

⁶⁰ Там же. Д. 111, л. 323, 329.

⁶¹ Там же. Д. 179, л. 130–135.

⁶² История советского крестьянства. Т. 3. С. 331.

⁶³ ГАРФ. Ф. 311, оп. 1, д. 265, л. 31, 34.

⁶⁴ Там же. Д. 111, л. 196.

⁶⁵ Там же. Д. 83, л. 2–2 об.

⁶⁶ Там же. Д. 200, л. 130–135.

⁶⁷ Там же. Л. 73, 100.

⁶⁸ Там же. Д. 83, л. 3, 5 об.

⁶⁹ Там же. Д. 179, л. 64.